

Гарри Беар
Прогулки с Алисой

Гарри Беар
Прогулки с Алисой

«Автор»

2014

Беар Г.

Прогулки с Алисой / Г. Беар — «Автор», 2014

ISBN 978-5-91283-602-2

Новая повесть Г. Беара рассказывает нам о девушке Алисе Чудесной, которая живет в наше время, скучает, влюбляется, переживает, в стихах и прозе рассуждает о проблемах земной и небесной жизни. И было бы это все буднично и банально, но девушка-то оказывается не просто начинающей поэтессой, а гостьей с Красной планеты. И отнюдь не Земля – её настоящий дом, и не земные переживания – её боль, а любовь для неё только форма её параллельного существования. Не будем преувеличивать степень понимания читателем текстов «космической Алисы», хотя только во время прогулок с поэтом она и предстаёт перед нами той, кем является на самой деле...

ISBN 978-5-91283-602-2

© Беар Г., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Об авторе	6
Приступ	8
Прогулка 1. Знакомство с Алисой	9
Прогулка 2. Попытка биографии	15
Прогулка 3. ГРЕЗЫ о ЛЮБВИ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гарри Беар Прогулки с Алисой

© Гарри Беар, 2015

© И. Е. Медвецкий, 2015

* * *

Об авторе

Гарри Беар (псевдоним И.Е.Медвецкого) – русский писатель и поэт. Автор романов «Альбатрос», «Создатель», «Олли, или Новая Лолита», «Серая жизнь», рассказов, новелл и эссе. В 1999, 2002 и 2012 гг. в г. Челябинске выходили книги стихотворений Гарри Беара.

Г. Беар – автор изданных сборников прозы: «Олли, или Новая Лолита. Альбатрос: Романы». – М.: Интер-Весы, 1994; «Полет Альбатроса: сборник прозы». – Саарбрюкен: YAM, 2013; «Тени прежних героев». – Торонто: Altaspera Publishing, 2015.

Четыре электронные книги Гарри Беара размещены на сетевом ресурсе ЛитРес, их можно прочитать здесь – <http://www.litres.ru/garri-bear>

Приступ

История эта случилась лет десять-двенадцать тому назад, но именно сейчас мне захотелось вспомнить и рассказать о ней подробно. Эта моя встреча и мои беседы с молодой девушкой, решившей стать хорошей поэтессой, снова возникли в моей памяти, когда на глаза мне попались ее стихи, датированные 1998–2001 годами. Может быть, читатель и не увидит сейчас в этих **«стихах разных лет и зим»** Алисы что-то особенно оригинальное и «чудесное». Однако мне захотелось показать в этой повести поиски человеком молодым, искренним и, несомненно, талантливым Смысла своего земного и, ясное дело, небесного предназначения.

Я буду, по мере способности своей памяти, воспроизводить наши с Алисой встречи и беседы, сопровождая их стихотворениями, которые она писала в этот период. Может быть, что-то значительное и важное в ее стихах было, может, я просто вижу теперь в них то, что на самом деле там отсутствует. Теперь, когда ее стихи стали известны всему миру, точнее, всей нашей Солнечной системе, наверное, я со своими «прогулками» буду выглядеть странным и не совсем оригинальным. Но уж совсем не оригинальным я буду, если сорвусь и начну слагать гимны Алисе Чудесной, *«девушке с Марса»*. Придумывать значимые детали, которых не было и быть не могло, преувеличивать степень моего понимания текстов «космической» Алисы. Ох, уж эти журналистские штампы, заполнившие телеэфир! Как трудно от них порой удержаться.

Если честно, мне и самому теперь важно разобраться не только в ее детских, иногда нелепых откровениях в стихах раннего периода, но и в том последнем тексте, который она собиралась написать, но так и не дописала. Который я бестактно дописал за нее, возможно, так и не поняв всей ее земной боли и всех ее инопланетных переживаний. Метафора получилась запоминающаяся.

Впрочем, судите сами...

Гарри Беар, год 2012.

*Мне с Земли тебя почти не видно,
Но душа моя давно с Тобой...
Я все больше зарастаю пылью,
Марсианской пылью, не земной!*

Алиса Чудесная

Прогулка 1. Знакомство с Алисой

Я выходил из здания школы, где два раза в неделю вел уроки литературы в 11-х классах (больше для успокоения души, нежели для заработка), и собирался ехать домой, для чего мне нужно было пройти метров триста до остановки троллейбуса. Накрапывал мелкий октябрьский дождь, теплый, но довольно противный, отучившиеся ученики и отбившие номер учителя спешили скорее добраться кто до остановки, кто – непосредственно до дома. Я завозился было с плохо раскрывающимся зонтом, и в это время... кто-то бережно тронул меня за рукав моего плаща. Я с недоумением оглянулся и в первый раз, как мне показалось тогда, увидел ее...

Алиса оказалась невысокой светловолосой девушкой лет шестнадцати на вид. Цвет глаз ее был довольно необычным – серый с зеленоватым оттенком, похожий «на глаза осторожной кошки». Одета Алиса была неброско, но элегантно – в короткую коричневую куртку, высокие бежевые сапожки и темный берет с каким-то неясным рисунком слева. Через ее плечо была небрежно перекинута пурпурная сумка на коротком ремешке. Сумка, как мне показалось, несколько дисгармонировала с ее нарядом, но, возможно, я ничего не понимал в молодежной моде. Алиса, чуть нахмутив брови, смотрела на меня спокойно и насмешливо.

– Я Вам писала по поводу встречи, но ответ не был получен, – вместо приветствия сказала она. – А почему?

– Ты мне писала? – удивился я, с трудом соображая, по поводу чего это она собирается со мной беседовать.

– Я прочла Ваши стихи в этой... желтой книжке и написала, – Алиса наморщила нос. – Кажется, две недели тому назад.

– Да-а, – я начинал вспоминать записку сумбурного содержания, которую неожиданно обнаружил у себя в сумке дней десять назад и которую посчитал дурацкой шуткой своих учениц. – Действительно, записка, припоминаю.

– А почему Вы не ответили? – настырно спросила Алиса.

– Там не было обратного адреса, – сухо заметил я и собрался двигаться к остановке, так как на нас уже стали поглядывать выходившие из школы старшекласники. – И что за спешка?

– Это дело жизни и смерти! – почти вскрикнула Алиса. – Мы должны пообщаться немедленно.

– Так ты и есть Алиса Чудесная? – решив не раздражать нервную девицу, заметил я. – Да, я прочитал, и стихи твои весьма...

– Я бы поговорила не только о стихах, – уточнила Алиса.

– А о чем еще говорить? – не сговариваясь, мы стали удаляться от крыльца школы несколько в сторону. – Разве тебя интересует что-то еще?

– Меня интересует Ваше творчество, – заметила Алиса, – в данный момент жизни. И еще кое-что хотела обсудить в плане написания. В классе, где Вы ведете, подруга моя учится, она кое-что мне рассказывает...

– У меня в четверг факультатив по истории поэзии, – я соображал, как мне вежливо отделаться от нервной собеседницы. – Народу обычно мало ходит. Так что твое присутствие никого не обременит...

– Хорошо, – кивнула Алиса. – Пожалуй, приду в четверг, если у меня ничего срочного не будет!

– Вот и хорошо, – завидев троллейбус, я сделал рывок в сторону остановки. – Приходи с новыми стихами.

– Вы стесняетесь гулять со мной? – кивнула Алиса. – Понятненько! Тогда возьмите тетрадь – здесь кое-что новое.

– Хорошо. Прочитаю обязательно, – я схватил протянутую мне сероватую 12-листовую тетрадку и с наслаждением забился в переполненный троллейбус, чувствуя себя неуверенно наедине с новоявленной Ахматовой.

– До встречи! – крикнула Алиса и помахала мне рукой.

В троллейбусе я с трудом запихнул Алисину тетрадь себе в портфель, а через пару минут и думать забыл об этой встрече. В ту пору мне было почти тридцать четыре года, я мнил себя великим, но еще не признанным поэтом, и работа в школе была только дополнительным способом заработать себе на пропитание. К тому времени у меня вышла книжка прозы в Москве, которая принесла мне больше разочарований и проблем, чем радости и гордости, и одна книжка стихов в Билибинске, о которой упомянула Алиса. Впрочем, я честно выполнял свою работу и даже находил в ней много положительных моментов. Детских и юношеских стихов, по долгу службы, я перечитал к тому времени огромное количество. В городе раз в год проводились поэтические турниры, которые требовали некоторого отбора представляемых школьниками текстов. Большая часть «произведений» была, впрочем, стихотворным переложением мыслей и чувств подрастающего поколения, весьма важным и нужным для развития письменной речи подростков. Примерно четвертая часть стихотворений оставляла лично у меня *хорошее впечатление*, после стилистической правки стихи приобретали некую гармонию формы и смысла, вполне достойно смотрелись потом в сборниках юных поэтов. Но и эти тексты испарялись из моей памяти еще быстрее, чем я того хотел.

Я бы, наверное, уже и не вспомнил о серой тетрадке до четверга, а то и более. Однако, вечером, проверяя сочинения своих учащихся на свободную тему о прошедшем лете (искренностью в большинстве из них не пахло), я наткнулся на подброшенную мне судьбой поэтическую тетрадь. Поскольку после десятка проверенных сочинений на меня уже стала наваливаться вселенская тоска, я все же решил «пролистнуть» тексты симпатичной Алисы. В проверяемых мной сочинениях одна симпатичная девица (весьма раскованного поведения) слезно рассказывала, как она все лето помогала бабушке и дедушке возделывать огород, и какой хороший урожай был собран. Другая девица (ударница и спортсменка-бегунья), путаясь в сложноподчиненных и бессюжных предложениях, как в преодолеваемых ею барьерах, подробно поведала, как они с подругой летом бегали то короткие, то длинные дистанции, то на роликах, то своим ходом, то по шоссе, то по лесу. Третий автор – прыщавый, бело-

брысый юноша, обычно предпочитавший прикорнуть за своим объемным портфелем к концу урока, – с несвойственным его меланхоличной натуре энтузиазмом описал в сочинении трудоемкий поход, предпринятый им по заповедным местам Среднего Урала. Рассказ был живописен, изобиловал подробностями походной жизни и любопытными наблюдениями, а еще – был целиком слезан из одного популярного блога в Интернете.

Не дочитав до конца очередное нудное откровение про «веселые» летние каникулы, я раскрыл разрисованную какими-то малопонятными узорами светло-серую тетрадку и решил внимательней прочитать то, что было написано Алисой явно не в расчете на пятибалльную оценку. Первый текст Алисы, которая для пушей загадочности избрала себе псевдоним «Чудесная», носил довольно забавное название «Себе любимой».

Рискну привести основную часть этого стихотворения целиком:

СЕБЕ ЛЮБИМОЙ

Ах, я славная нимфетка,
Просто девочка-конфетка:
Стройная, как елочка,
Светленькая челочка...
Мама с папкой говорят:
"Ты не доченька, а клад!".
Наш сосед дядя Сережа
Глаз с меня не сводит тоже.
Не женат он, без детей:
– Эй, Серега, посмейся!

А на улице мальчишки,
Наглецы и хвастунишки,
Мне нахально вслед глядят –
Видно, спать со мной хотят...
Только мне на них плевать:
Не из кого выбирать.
Мужички на улице,
Как коты, мне жмурятся:
"Славная девчушка,
Пойдем со мной в кафушку!
Чипсами и пивом угощу, вином...
Как мы классно вечер
Вместе проведем".
Только мне на них плевать:
Из кого тут выбирать?

Честно? Жду я одного –
Только принца своего
С серыми глазами,
С сильными руками...
Он сильнее всех мужчин,
В целом мире он один
Девочку полюбит,
Меня приголубит.
Он возьмет меня с собой
В край далекий, дорогой,
Где не будет грязи,
Этой всякой мрази...

Будем только Я и ОН –
Это словно сладкий сон
Мысль мою лелеет,
Душу нежно греет.
Ох, я бедная нимфетка –

Да какая там конфетка!
Грустная как елочка,
И поникла челочка...

Сначала мне захотелось исправить в тексте очевидные ляпы и некоторую нарочитость, но, подумав, я не стал этого делать. Я решил, что вряд ли Алиса ждет корректорской правки своих стихов, скорее, она, как и всякий начинающий автор, мечтает об идеальном читателе и возвышенных переживаниях. В этом плане было бы глупо пытаться говорить с «девочкой-конфеткой» о технической стороне писательского ремесла. «А дядя Сережа еще тот жучара!», – почему-то решил я, хотя в этом тексте и не вполне была прояснена роль скромного соседа-созерцателя.

Второе стихотворение Алисы сопровождал эпиграф из Анны Ахматовой: «*Я сошла с ума, о мальчик странный...*», и я радостно потер руки. Диагноз вырисовывался теперь сам собой. Облик Алисы разом терял загадочность и привлекательность. Обчитавшись ранней Ахматовой или зрелой Цветаевой, юной, творчески настроенной девице трудно совладать с собой и не выдать «на-гора» пару сборников дамской лирики. Текст назывался «**Хороший мальчик**», а вот и он, читатели, перед вами:

Ты – хороший мальчик, ты мне очень дорог.
Помню я объятья нежные твои...
Только ненадолго этот милый морок,
И он **не замена** истинной любви!

Ты в любви признался мило так, наивно –
Чуть не рассмеялась, слушая тебя...
Мной ты любовался словно бы картиной!
Только не поймешь ты, *маленький*, меня.

Ты пока не знаешь, что любовь – сжигает!
Иссушает душу, губит все подряд.
У влюбленной девы сердце з а м и р а е т,
Лишь она заметит Его грубый взгляд.

Ты со мною, мальчик, быстро повзрослеешь,
Ты забудешь, милый, счастье и покой!
Удержать меня ты просто не сумеешь –
Так что до свиданья, мальчик дорогой!

Ты прекрасный мальчик, ты мне очень дорог!
Не забуду руки нежные твои...
Только не заменит этот милый морок
Странной и жестокой, но истинной любви.

В целом написано это было неплохо и даже бойко. Из текста было совершенно ясно, что именно хочет сказать «хорошему» мальчику новоявленная Анна Домини: ты, друг, молод и хорош собой, но к «взрослым» отношениям со мной пока не готов, а вот я-то, конечно. Наверное, своего одноклассника охмурила, наговорила ему тысячу дамских колкостей, а он в ответ с тоски то ли повесится, то ли напьется дешевого пива, то ли так переживет. Да уж, вот – настоящее сочинение на тему, что я делала этим летом. Остальные стихи были выполнены

Алисой Чу– примерно в том же русле: кое-где в них на законных основаниях блистала девичья слеза, и выражалось сожаление озябшим воробушкам и синицам на зимнем дворе, и содержалась инвектива «подлым, коварным подругам» за их бесчувствие и пристрастие к дорогим вещичкам.

«А ведь, пожалуй, и неплохо для 16 лет...» – важно решил я и, закрыв Алисину тетрадку, тяжело вздохнул и вернулся к четырем оставшимся лживым детским сочинениям. Проверить все ж надо, а то ведь на следующем уроке каждый только о своей оценке и спросит. Кстати, про Алису... Надо ведь еще будет придумать, что ей про ее стихи сказать! А то ведь загордится, юное дарование, если уж слишком расхвалить, или наоборот – совсем не то подумает.

На этой оптимистичной ноте я закончил проверку скучных ученических работ и отправился в ванную принять вечерний душ. День, несмотря ни на что, явно удался.

Прогулка 2. Попытка биографии

Вот что, гораздо позднее, когда уже Алисы не было рядом с нами, я вычитал на одном из литературных интернет-сайтов (кажется «Поэтика поэзии»), где была размещена информация об Алисе и некоторые ее ранние стихотворения. Привожу этот опыт автобиографии Алисы Чу – полностью, воздерживаясь от желания что-нибудь поправить.

Итак: *«Меня зовут Алисой, хотя фамилия моя – несколько иная, "Чудесная" – псевдоним. Писать стихи я начала лет в 12–13, когда мои чувства потребовали ответа, а его-то я и не дождалась. Сначала писание стихов было для меня какой-то отдушиной, даже забавой, а теперь превратилось в какую-то странную потребность. Я даже могу прервать разговор и убежать, если чувствую прилив вдохновения. Когда мне удастся выразить в поэзии все, что я пережила или переживаю, я делаюсь почти счастливой. "Доколе я дышу, дотолле буду петь, поэзию хвалить и ею утешаться..." – кажется, это Карамзин. Я с ним согласна. Читатели у меня, конечно, есть. Это "подруги", друзья (хотя их совсем немного), знакомые моих родителей ("Алиса, прочитай новенькое стихотвореньице, нам так нравится!"). Есть у меня еще один читатель, который сам замечательный поэт. Я ему даже кое-что посвятила из своих стихов... Но этот человек слишком ироничный и жестокий, как мне кажется. Я, если честно, его немного боюсь, точнее, не его самого, а его критики. Вообще, мои любимые поэты – Лермонтов, Тютчев, Марина Цветаева, Гумилев и, отчасти, Белочка Ахмадуллина. Но есть и другие любимые, всех не перечислишь.*

Что еще... Летом я окончила школу, хотя и без медали: "Ах, Алисочка, не переживай, детка..." – утешала меня мама после экзаменов. А мне на эту медаль всегда было наплевать,

если откровенно. Поступила я в университет на филфак, где и маюсь в настоящее время. Кое-какой жизненный опыт у меня есть, и получен он не из книжек, хотя я безумно люблю читать... Постоянного "мальчика" у меня нет (возможно, еще не встретила!), хотя иногда я гуляю то с одним, то с другим. Некоторые мои подружки ругают меня за то, что я больше всего люблю саму себя. Но я их мнения считаю полным "отстоем", особенно в данном вопросе.

Конечно, я любила и не раз, наверное, это заметно по моим стихам, но чаще получала за свою поспешность страдания и горькие сожаления. Может быть, я еще недостаточно взрослая... Еще что? По гороскопу – Рыбы, натура живая и эмоциональная; родилась и долго жила в городе Маас в ста километрах от Билибинска. Сейчас бываю тут в основном по выходным.

В общем, читайте стихи Алисы Чу-, и все тут! В этот маленький сборник «Стихи разных лет и зим» я постаралась включить лучшие стихотворения; некоторые были написаны мной в еще детском возрасте, так что не судите строго. И не судимы будете».

Такая биография, видимо, написанная уже тогда, когда Алиса оканчивала первый курс филологического факультета в Билибинском университете. В это время мы виделись с Алисой Чу– не реже одного раза в месяц; в это время моя судьба едва не изменила свое спокойное течение под влиянием ее страстных взглядов и нескромных заявлений. Впрочем, постараюсь вспоминать все по порядку и ничего не утаивать...

Ага, надо телевизор этот гадкий выключить, а то сосредоточиться не дает! Вот, кстати, опять передача про Марс, они что там – на НТВ и Первом канале – дурман– травы накурились? Чуть не через день – бегут сообщения:

Непонятные сигналы приходят с Красной планеты, сигналы никак не верифицируются...

Наши доблестные ученые работают над расшифровкой сигналов с Марса! Россия притаилась в таинственном ожидании...

Американский нобелевский лауреат, профессор Принстона Даун Лоу что-то стал понимать и даже записал какие-то строчки на иврите!

Японские марсологи (это в Японии-то марсологи?) что-то расшифровали... Но ничего нам не сообщают, собаки!

Агентство НАСА напоминает, что работа по подготовке запуска нового Марсохода для исследования планеты идет полным ходом...

Показывайте-ка, ребята-журналисты, лучше Галкина да Дроботенко с Задорновым, примерно та же ахинея, но в рамках здравого смысла и непритязательного юмора. Или вот шоу «Ледниковые пляски»: нашему народу дюже интересно! Там профессиональные фигуристы в отставке с актерами, журналистами и шоуменами по льду елозят, думая об одном – как бы не шлепнуться на глазах у публики...

Лучше поставлю-ка на канал «Культура»: что-то наш мудрец Вайшлер опять вещает? Ну – ешь тую медь – и Мишаня про Марс, талдычит второй час про неопознанные сигналы, про близость неземных цивилизаций! А этот хитромудрый говорун может три часа по любой теме елозить, пока не соскочит по ходу движения на идею социального рая в Беларуси или кристально честных выборов, проведенных недавно в Лапландии. Лучше выключить телик совсем, и музыку какую-нибудь слушать...

Когда мы встретились с Алисой в четверг на факультативе, она уже была в новой униформе: голубые джинсы с разводами, ослепительно белая блузка и бежевый жакет, в петлице которого кокетливо торчала ручка в виде гусяного пера. Волосы свои Алиса убрала в две косички, что делало образ поэтессы еще более юным и привлекательным. Я между делом отметил, что она подкрасила свои и так довольно сочные губы и добросовестно подвела брови.

Постоянно ко мне на этот двухчасовой факультатив по истории русской поэзии ходили человек 7–8, сегодня же было только четверо. Учащихся, получивших зачет по факультативу,

я обещал всего лишь освободить от написания обязательного реферата, поэтому наплыва посетителей не было. Обычно я рассказывал о каком-то значимом периоде русской литературы, а потом мы обсуждали знаменитые стихи этого периода. Первые занятия были интересны, да и народу ходило больше, потом все вошло в колею и даже мне стало несколько скучновато. Во время занятия Алиса помалкивала и в полемику по поводу текстов Карамзина и Дмитриева особо не вступала; чувствовалось, что школьный тон разговора ее никак не устраивает.

Когда все закончилось и учащиеся отправились восвояси, она под села максимально близко к учительскому столу и спросила:

– Только не говорите общих фраз, скажите честно: стоит мне дальше писать? Или лучше скалолазанием заняться?

– Да нет, Алиса, стихи твои, в общем и целом, вполне... – начал я путаться в определениях.

– То есть они не безнадежны? – уточнила Алиса.

– Они бы даже были просто замечательны, если бы...

– Если бы не что? Говорите уже!

– Есть в твоих текстах много заимствований из Лермонтова, Ахматовой, Гумилева, и, кажется, даже Есенина... Ты не думай: любой поэт через это проходит. Даже Лермонтов, которому ты так благоволишь...

– Да Бог с ними, они же все уже *раскрученные*, – махнула рукой Алиса. – Как Вам содержание стихов, ведь интересно, правда?

– Содержание твоих стихов довольно банально, – я заметил, что Алиса прямо на глазах стала бледнеть, – но выражено весьма неординарно. Прямо и честно выражено!

– Я и не скрываю... как есть, так и пишу, – буркнула Алиса. – А и в Ваших стихах тоже заимствований полно, ведь так же? Вот возьмем Ваше «Ночное рондо», это же в принципе Блок, не более того...

– Ну, я ведь не с Луны упал, – примирительно заметил я. – Как же без цитат? До меня-то, сколько русских стихов понаписано, – я отметил, что Алисе явно не понравилась моя критика, но удар она сдержала, даже огрызнулась.

– А понравилась Вам героиня стихотворений? – Алиса впилась в меня взглядом и даже привстала из-за парты.

– В общем, она девушка самокритичная, но знает себе цену.

– Цена еще не установлена, – хихикнула поэтесса. – Торг только начинается...

– А кто этот дядя Сережа из первого твоего текста, сосед по дому?

– Мудозвон один из соседнего подъезда. Лет 30 ему, он все не женится, но бабы к нему часто шастают, – выдала Алиса беспристрастную характеристику соседу, в данный момент, очевидно, впавшему в икоту. – Меня тоже как-то встретил вечером у подъезда – пригласил «на рюмку коньяка». Я ему процитировала кое-что, он больше уже не беспокоится. И не здоровается даже в ответ...

– Что процитировала? – удивился я. – Стихи какие-то?

– Статью из Уголовного кодекса об ответственности за несовершеннолетних, – Алисе и самой очень понравилась эта тирада.

– Не повезло дяде Сереже, – улыбнулся я.

– Другому повезет! – улыбнулась она.

– А ты бы хотела стихи напечатать или так... для себя и близких? – спросил я на всякий случай. Кто ж из пишущих, тем более начинающих, не хочет вселенской славы!

– Еще пару месяцев назад хотела напечатать, даже по журналам разослала, – загрустила Алиса. – Теперь не знаю уж, может, и не стоит.

– Все равно, интересно, как другие читатели тебя воспримут?

– Мне важно **понимание** моих стихов, а не их восприятие другими дурочками, – уточнила Алиса. – Поэтому я и навязалась.

– Все понятно, Алиса! – заметил я, чувствуя, что такой разговор может тянуться вечно.

– Я думаю, Вы пару хороших советов дадите, – лукаво прищурилась Алиса и попробовала сразить меня загадочным взглядом сразу и наповал. – Наедине где-нибудь расскажете мне, как вдохновение приходит...

– Мы и сейчас наедине, но какие тут советы, – я придумывал повод, чтобы деликатно отделаться от Алисы, так как ее жесты, ее неуловимый запах и ее взгляд все сильнее начинали на меня действовать. – В общем интересные у тебя стихи, продолжай в том же духе.

– Вы на троллейбус? – заметив, что я поглядываю на часы, Алиса тоже засобиралась. – Давайте провожу!

– А это тебе удобно? Я тороплюсь.

– Да мне-то удобно, – прыснула Алиса. – Вы не беспокойтесь, я типа просто рядом пойду, можно даже в пяти метрах сзади.

– Да я не беспокоюсь! Иди, где хочешь.

Я занес факультативный журнал в учительскую, перекинулся парой слов с завучем Ириной Харитоновной и торопливо спустился в вестибюль. Алиса, уже одетая, толкалась между двумя восьмиклассницами возле большого зеркала, подмазывая губы. Я едва кивнул ей и вышел на крыльцо школы, через пару минут появилась она... До первой остановки троллейбуса от школы было метров двести пятьдесят, не больше. Почему-то не сговариваясь, мы пошли в сторону другой остановки, до которой идти было минут десять. Я собственно никуда не спешил, а общение с юной поэтессой начинало мне все больше нравиться, затягивая в какую-то двусмысленную ситуацию. Алиса нагло помалкивала, а я толком не знал, как продолжить наш взаимно спасительный разговор.

Молчание становилось томительным, нелепым, опасным... и я задал простой банальный вопрос:

– Что-нибудь новое за эти дни написала?

– Я хотела Вам показать (в хорошем смысле), но Вы погнали куда-то, куда, сами не знаете...

– А что ты хотела показать? – переспросил я, чувствуя растерянность.

– Кое-что из моего «летнего», но оно не для всех! – провозгласила Алиса и почесала свой нос, он был несколько большеват для ее очень строгого овала лица, но придавал ему какую-то детскую непосредственность. – Это, так сказать, эротические стихи!

– Ага, – вяло сказал я, – вот оно что. И это напрямую связано с личными переживаниями?

– Ну а Вы как думали? – Алиса приняла насмешливый тон. – Или считаете, что в моем возрасте не должно быть эротических переживаний? А в каком они должны быть?

– Да ничего я не считаю, – ответил я. – А тебе, сколько лет, кстати?

– Этот Ваш вопрос весьма **некстати!** – Алиса остановилась и довольно дерзко посмотрела мне в глаза. – Я имею честь его проигнорировать.

– Ага, – повторил я. – Думаю, что семнадцать тебе исполнилось?

– Думайте, что хотите, это Ваше право!

– Ты хочешь показать мне эротические тексты, и что... Ты не уверена, стоит ли их показывать?

– Я этим летом очень много перечувствовала, – Алиса, подумав, вернулась к нормальному тону. – Пережила первую любовь... Стихи, может, нелепые, но написаны от души. В них – частичка моего сердца.

– Об одном тебя прошу, Алисий, – возвышенным тоном произнес я. – Никогда не говори красиво!

– Базарова цитируете, – кивнула Чудесная, – валяйте в том же духе. Я девочка начитанная.

– Ну, надо же, какие мы грамотные! – поразился я. – Но это я про «частичку сердца» имел в виду.

– Летом я встретила и полюбила одного парня, – Алиса, подумав, решила высказаться подробнее. – Он был крепкий такой, мужественный, старше меня лет на семь... Работал охранником в пансионате, где мы отдыхали в июле. Сначала я на него и не смотрела, а он – на меня, но потом! Да и эти мальчишки, что вечно норовят «прощупать обстановку», достали! И в общем, я с ним... как это будет по-русски: трам– пам– пам. – Алиса деланно расхохоталась. – Почитайте, в стихах все это есть.

– А трам– пам– пам серьезно? – уточнил я.

– А вот ничего больше не скажу, – Алиса мотнула головой, будто достав из воздуха, протянула мне новую 18-листовую тетрадку, на сей раз в зеленой обложке. – Почитайте, и догадаетесь, как все было.

– Хорошо, я прочитаю, но скажу честно, – мне уже было досадно, что щебетанье чаровницы начинает раздражать меня не на шутку. – Без снисхождения к твоему возрасту, договорились?

– Валяйте! Мне именно так и надо...

– Мы почти пришли, Алиса, – действительно, мы уже подходили к остановке «проспект Пиндара»; я знал, что Алиса живет где-то неподалеку, и ехать ей никуда не надо.

– А когда мы встретимся снова? – забеспокоилась Алиса. – Только через неделю? Ах, мой друг, я не переживу этого...

– Сказала нервная дама и упала в обморок, – доцитировал я. – Можно и раньше, если у меня получится. Запиши мой телефон.

– Ах, где мое гусиное перо? – Алисе нравилось иногда дурачиться без особой на то причины. Впрочем, ручка и блокнотик возникли в ее руке, как по мановению (сами знаете кого). – Записываю!

– Давай-ка созвонимся в следующий понедельник, во второй половине, и определимся, как и что!

– Я наберу в понедельник, после двух часов, – решила Алиса. – Это будет удобно?

– Лучше где-то с трех до пяти, тогда я точно буду на месте.

– Бай-бай, – стала прощаться Алиса Чудесная. – Обниматься мы, пожалуй, не будем.

– Еще чего! – возмутился я. – Запомни, я общаюсь с тобой только...

– Из чувства сострадания, – вздохнула крошка. – Я так и поняла.

– И правильно поняла! До свиданья, – помахав Алисе рукой на прощанье, я ускорил шаг.

– До новых встреч, – штучка Алиса решила выдержать роль до конца. –

Я буду очень того-этого. Скучать!

Мне очень хотелось оглянуться. Мне так хотелось сказать ей что-то приятное и обнадеживающее, но...

Я очень спешил на троллейбус, точнее, усиленно делал вид, что спешил.

Прогулка 3. ГРЕЗЫ о ЛЮБВИ

Вот и общайся после этого с нервными старшеклассницами, пишущими любовные стишки! Это ж надо так нелепо... «*Едва с пеленок – кокетка, ветреный ребенок...*». Моя устоявшаяся, выверенная годами жизнь вдруг начала казаться мне пресной, однообразной и совсем вялой. Мяуканье возмущенной кошки, которой я впервые за долгие годы забыл налить молоко в любезно подвинутую мне под ноги миску, немного привело меня в чувство. Я никак не мог найти никакого оправдания своим дневным переживаниям, от души называл их бредом и нелепой фантазией, но...

Вечером того же дня я засел за Алисину тетрадку и обнаружил там пару-тройку вполне приличных с точки зрения техники, точных в выражении мыслей стихотворений. Конечно, меня продолжало преследовать ощущение, что все представленное мне Алисой я где-то уже читал или видел. Это было, в принципе, обычное впечатление от стихов начинающего автора, и я решил на нем не заикливаться.

Вот передо мной первое из стихотворений, видимо, и посвященное летнему спутнику загадочной Алисы.

Случайная встреча *Саше N посвящается*

Мы встретились просто, случайно,
Меня поразили твои
Немыслимо сильные руки
И алые губы любви...
Я сразу забыла кокетство,
Заметив взор серо-стальной –
Мое несчастливое детство
Прошло в сей же миг стороной.

Сама подошла к тебе первой,
Прижалась, сказала: "Люблю...".
Ты чуть не назвал меня "стервой":
Ну что ж, милый, я потерплю.
"Малышка, ты верно ошиблась!
Во мне не того видишь ты...",
Но ради тебя я расшиблась
В лепешку... Принес мне цветы
И очень спокойно заметил:
"Недолго я буду с тобой!
Вся жизнь моя – ветер и пепел,
Ты станешь мне просто рабой...".

Те несколько месяцев счастья
С тобой мне уже не вернуть...
Теперь наступило ненастье,
И горек и страшен мой путь.
Ты сделал меня настоящей,
Не куклой я стала, ж и в о й!
Уж девочки нет той блестящей,
Жена была рядом с тобой.
"Да разве Судьбу переспоришь? –
С улыбкой ты мне говорил. –
Ты, девочка, многого стоишь..." –
Однако меня ты забыл!

* * * * *

И с кем бы потом не встречалась –
Была я навеки т в о е й...
О, если бы мы обвенчались –
Жены б не нашел ты верней!
– Пришли мне хоть весточку, милый!
Скажи, что ты любишь меня.
Иначе, откуда взять силы,
Чтоб жить и дышать без тебя?!

...Мы встретились будто случайно,
Меня поразили твои
Немыслимо сильные руки
И алые губы любви.

Любопытный текст, «жизненный»! Хотя все эти «*алые губы любви*», «*немыслимо сильные руки*» и «*серо-стальной взор*» милого дружка выглядели в стихотворении банальными клише. Но канва событий была достаточно понятна, и я даже посочувствовал юной деве, «*расшибшейся в лепешку*» из-за этого многоопытного, судя по всему, охранника, который, очевидно, на Уголовный кодекс плевать хотел и ситуацией в полной мере воспользовался. Несколько смущало мелькание в тексте слова «жена», но и это было отчасти понятно, коли Алиса не могла найти в себе силы, «*чтоб жить и дышать без тебя*». Выражение «*горек и страшен мой путь*» мне показалось весьма знакомым, но откуда Алиса его слямзила, я вспомнить не смог. Второе стихотворение, посвященное тому же Саше, носило более громкое название – «Погибшее чувство», по сути, повторяло, хотя и в других выражениях, тот же нехитрый сюжет отношений «стального, сурового мэна» и его юной возлюбленной. Концовка была еще более трагичной: героиня всерьез задумывалась, а не утопиться ли ей в том самом озере, возле которого и произошло «*слиянье наших душ и тел*». Но судя по контексту, фразу можно было считать всего лишь гиперболой.

К этим двум произведениям Алисы по логике примыкал еще один текст «**Раздумья**», он был куда интереснее, а главное – свидетельствовал о знакомстве Алисы с моим собственным стихотворением с подобным же названием.

Раздумья

Очень смутно я помню, что было
Этим летом с тобой и со мною:
Только желтый песок как пустыня,
Только синее озеро стыло,
Только счастье быть рядом с тобою!

...Это было **не больно**, но честно –
Я не знаю, зачем **это** нужно.
Для слияния более тесного,
Чем простая и чистая дружба?

Ты, наверно, искал только ласки,
А нашел мою грусть и сомненья.
Я считала, что ты принц из сказки!
Не учла я, что счастье – мгновенье...

Не забыл ты те страстные ночи?
Разве помнишь мои откровенья?
Этот шепот, мой смех между строчек
Ты не понял! и стал только тенью.

Ах, кому рассказать мне все это,
К чьим ногам мне упасть головою?
Впрочем, честно: *я летом согрета*
И уже не замерзну зимою!

Конечно, разумный читатель, может взять и удивиться, а какое мне, разумному человеку, собственно дело до всех этих девичьих страданий и писаний? Что это даст мне для понимания нашей убогой земной и тяжелой российской жизни. Но тогда этому разумному читателю следует немедленно закрыть эту повесть и пойти на улочку продышаться воздухом. Или, на худой конец, включить заветную кнопку и послушать на ночь глядя дежурные приколы Миши Задорнова или почитать афоризмы Миши Веллера. А вот читателям, которым это **уже** надоело, можно рекомендовать дочитать сию повесть до самого ее завершения.

Алисины «Раздумья» мне показались очень занятными, хотя на первый взгляд и этот ее текст выглядел банальным и психологически объяснимым. Но некоторые удачные метафоры и сравнения вроде: «*желтый песок как пустыня*», «*мой смех между строчек*», «*я летом согрета и уже не замерзну...*» - оживляли стихотворение и делали его весьма запоминающимся. Талант у девчонки, несомненно, присутствовал; будет жаль, если она потом, по ряду причин, забросит эти свои поэтические штудии. А охранник Саша просто Дон Гуан какой-то али Казанова, не иначе. Сумел же столько чувств и эмоций вызвать во вполне себе сдержанной девушке!

Так ревниво думал я, перелистывая занятную тетрадку дальше и по ходу пьесы пропуская стихи про «подлых паразитов» – одноклассников и фетовские зарисовки зимнего леса. Я листал ее до тех пор, пока не наткнулся на пустой тетрадный лист, где цветными фломастерами и большими буквами были выведены загадочные слова:

**«Там Дальше Читать Только Тем, кто Хочет
Стать Посвященным! Другим – Не Нужно»**

Ага, понятно. Девичьи причуды, тайны клада, пещера Лехтвейса... Алиса снова дурачилась, может, в расчете на мое пылкое воображение. Но заглянуть за 12-ю страницу все же, видимо, следовало, не закрывать же тетрадь на самом интересном месте. Я мысленно перекрестился и открыл страницу за номером 13; на первый взгляд, она была почти чистой, если бы не приписка в самом низу страницы. Я прочел до боли знакомые мне строчки: «*Поэзии при-суца простота...*», после это не открыть страницу номер 14 я уже не мог.

Далее было стихотворение с удивительным названием «Страсти по Марсу». В первую секунду я почему-то решил, что Марс – это имя очередного увлечения нашей любвеобильной девицы и хотел захлопнуть тетрадь и убрать куда подальше. Но тут же я сообразил, что предлагаемый текст «**для посвящённых**» говорит совсем о другом, никак не связанном с земными делами. Когда я начал его читать, мой слух сразу наполнил ритм Николая Гумилева с его конквистадорами, но содержание Алисиного стихотворения заставило забыть о технической стороне дела.

Страсти по Марсу

Путешествуя по мировой Вселенной,
Мне знакомый говорил не раз,
Как похож на огонь, почти нетленный,
Из космического облака – наш Марс.

Он кружится в мировом пространстве,
Где забыты люди и века,
Существует Марс в непостоянстве,
Как усталый ветер в облаках.

Города Его – присыпанные пылью,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.